

Э. В. СЛИНИНА

СТИХОТВОРЕНИЕ «БЕСЫ» В КОНТЕКСТЕ БОЛДИНСКОЙ ЛИРИКИ 1830 ГОДА

Стихотворение «Бесы», написанное осенью 1830 года, отличается редкой напряженностью мысли и чувства; и слово, и ритм выражают предчувствие беды, «мутную тревогу. Сопоставляя дату стихотворения и его характер, комментаторы заметили странное несоответствие. Стихи написаны 7 сентября, ранней осенью, но говорится в них «о зиме и тревоге»¹.

На фоне естественно музыкальной пушкинской лирики это стихотворение поражает каким-то неживым, «механическим ритмом, особенно в первом стихе:

Мчатся тучи, вьются тучи...².

Четырехстопный хорей, здесь столь ритмически четкий и динамичный, задает тон звучанию всего стихотворения. Атмосфера враждебности по отношению к человеку всего происходящего создана в первую очередь ритмически. Нечто колдовское есть в этом, заклинательном, механизме стиха. Можно предположить, что самим шаманским ритмом наговаривается или под его воздействием рождается фантастический сюжет балладного стихотворения. «Бесы» — баллада, с ярко выраженным личностным и сильным лирическим началом. В первой строфе лирический повествователь признается:

...Страшно, страшно поневоле...

и тем самым мотивирует затем переключение нашего сознания в область балладно-сказочную.

Балладой о путнике и ямщике назвал стихотворение «Бесы» Н. В. Измайлов; замечают и признают фольклорные мотивы в «Бесах» почти все, кто обращал вни-

мание на это стихотворение. Назвать «Бесы» балладой есть основания: и некоторая, хотя и лирически ослабленная сюжетность, и динамика, и глубокий лиризм.

Баллада драматизирована: события увидены и восприняты не одним, а двумя героями, путником и ямщиком, поэтому главное в событии сначала определяет их диалог, а затем — лирические признания путника. Вначале создается впечатление, что бесы — лишь игра воображения перепуганного ямщика, только его видение. Главный герой, путник, поддается бесовскому наваждению не сразу, сопротивляется его разум, здравый смысл. Но оказывается, он все же готов увидеть то, что пугает ямщика. Драматизм мгновения усиливается лейтмотивным повтором:

Мчатся тучи, вьются тучи...

Вскоре и путник признается:

Вижу: духи собралися...

Бесовское кружение захватило его, и ритм стиха, и нервное напряжение слов передают озноб страха и смятения.

Герой определенно пытается перевести страшное впечатление в план бытовой, привычный; к примеру, отрезвляюще реально сравнение «будто листья в ноябре»:

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...

Пользуясь точным пушкинским словом, сказанным им об «Аде» Данте, герой «предает осязанию» кружение бесов, сравнивая их с ноябрьскими листьями. В сказке о Балде, тоже болдинской и почти одновременно написанной, в системе фольклорной, иронической свободы бесовская нечисть воплощена в смешном и жалком бесенке. Автор иронически играет материалом. Но здесь — иначе. Герой лишь делает попытку смягчить происходящее, объяснить его хотя бы предположительно мотивами иронически сказочными:

Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают...

И бытовое, и сказочно-ироническое осмысление оказываются неоправданными: бесовское действие не поддается ни здравому смыслу, ни иронии. Ужас и страх хотя и ослаблены, но лишь на мгновение.

Вместе с тем стихи построены так, что невозможно до конца решить, является ли рассказанное реальностью, или это ночное, полуосознанное видение во время метели. Было бы легче, яснее и автору, и читателю, если бы бесы оказались сновидением. Но автор не дарит нам утешительной радости пробуждения, как в «Светлане» Жуковского или как хотя бы в сне Татьяны. Автор или не хочет, или, скорее, не может перевести происходящее в область сколько-нибудь знакомых представлений, бытовых, фольклорных, литературных. Пушкинское точное зрение и редкостный слух сталкиваются с бесовской неясностью, неопределенностью. Он не может до конца, проясненно ни рассмотреть их, ни расслышать («...Бесконечны, безобразны...», «Что так жалобно поют?..»). Бесовская сила не имеет образа, мутно расплывчата.

Остается с большой долей уверенности считать, что лирический герой на самом деле непосредственно встречается со злом, с иррациональными силами, которые вызывают в нем тяжелое чувство тоски и смятения. Может быть, «Бесы» — одно из немногих, если не единственное пушкинское стихотворение, где герой не преодолевает внутреннее смятение, и нет ему надежды вырваться из жуткого бесовского хора:

Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

Построением стихов создано символическое кольцо, круг замыкается. Герой вместе с ямщиком оказались в замкнутом круге беды. Зловещий смысл имеет и трижды повторенная, ритмически и по смыслу ключевая картина: тучи, луна, снег, небо и ночь. Сама природа в ночном круженье метели, как на странно, служит или подчиняется бесовской силе.

В последней строфе в третий раз повторяется, вну-

шается впечатление от ночной метели, и оно вступает в прямую смысловую параллель с бесовским роем:

...Мчатся тучи, выются тучи...

...Мчатся бесы рой за роєм...

В концовке бесовское круженье относительно локализовано («в беспредельной вышине»), бесовская нечисть окружила героев и на земле, и заслонила небо. В этих условиях вопросы потерявшегося героя остаются без ответа и на ответ не рассчитаны.

В «Бесах» отражен момент столкновения сознания с темной и злой силой, момент внутренней борьбы с собственным страхом. Смятение ума и души не преодолены, но поэтическая логика стихов устремлена к внутренней самозащите. С неприязнью и обостренным вниманием герой пытается рассмотреть, расслышать, понять бесовское наваждение. В эти минуты для него само время остановилось; его дух и разум подавлены одиночеством.

Стихотворение это символично в первооснове. Но символику «Бесов» чаще всего, к сожалению, сводят к простейшей аллегории, к тезисам назидательным, а то и вульгарно-социологическим. Предлагаются прямолинейные и одновременно фантастичные истолкования. В «Бесах» видели и декабристскую тему, и проблему судьбы России, и «веру в народную Россию» (Г. П. Макогоненко)³; и космический «вихрь мировой бессмыслицы» (Д. Д. Благой)⁴. Аллегорический смысл удалось обнаружить даже в упоминании коней, которые спасают человека в метель и тем якобы выявляют «пушкинский оптимизм» (Г. П. Макогоненко). Особую роль видят некоторые авторы и в мотиве бесовской жалобы: говорят о «страдании» самой природы, сострадательно рассуждают даже о мучениях бесов («они сами есть воплощенная мука»)⁵. Станным образом удается при этом поставить знак равенства между природой и бесами.

С. С. Аверинцев в статье о символе говорит о том, что «смысл символа нельзя дешифровать простым усилием рассудка, в него надо «вжиться»⁶. Символ оценен им, пользуясь словом поэта, как «образ мира, в слове явленный»: символ поэтому, утверждает ученый, имеет «бесконечную смысловую перспективу»⁷. Соглашаемся

с этими теоретическими выводами и будем считать, что символика пушкинских «Бесов» не может быть сведена нами ни к какому рациональному тезису. Возможно лишь воспринять характер поэтического момента в жизни поэта, в котором содержится множество смыслов, наплывающих друг на друга, нерасчлененных. Они, эти смыслы, соединяются в образ поэтического сознания и определяют положение поэта в мире, но сплавлены в одном поэтическом моменте, одном из мгновений его жизни. В письме из Болдина по поводу предстоящей женитьбы поэт произносит вполне символические слова, хотя прикрепляются они к сиюминутным событиям: «...человек мыслящий беспокоен и волнуем будущим» (X, 308).

Пушкинистами замечено, что время создания «Бесов» очень близко к времени рождения «Элегии» («Безумных лет угасшее веселье...»). Комментаторы Н. Я. Эйдельман и В. И. Порудоминский говорят об их «тревожном соседстве»⁸.

Предчувствие вмешательства сил зла и разрушения в человеческую судьбу воспринимается в лирике Пушкина особенно драматично потому, что поэт не позволяет себе иллюзий и самоутешения. В болдинской «Элегии» совсем другая, по сравнению с «Бесами», внешне спокойная, почти эпическая интонация, характерная для пятистопного ямба:

Минувших лет угасшее веселье... (III, 178).

Сознание героя здесь оказалось непосредственно перед открытой дверью в будущее:

Мой путь уныл: сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море...

Открывается просторный горизонт, и метафора моря-грядущего полна печали, смутная и неутешительная. Но интонация речи к концу стихотворения становится уверенной и настойчивой, мысль выражает надежду на преодоление зла, разум и душа устремляются к высшим жизненным ценностям:

Но не хочу, о други, умирать:
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья...

Поэт решает довериться Провидению в надежде на возможное и желанное равновесие мысли, страдания, творческой радости и любви. В «Элегии» усилием духа побеждает в поэте надежда, и состояние наплывающей на душу безысходности все-таки не безысходно.

Родственно «Бесам» и другое болдинское лирическое размышление, «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы». Родство мы устанавливаем не по внешним совпадениям, временным и локальным, такое сближение часто оказывается случайным («Зимняя дорога», «Зимний вечер», «В поле чистом серебрится...»). В изучаемом тексте главное даже не в мотивах зимнего пути, и тем более не в какой-либо цели пути. Важнее внутреннее состояние поэта, столкнувшегося со злой, чужеродной силой.

Близость болдинских стихотворений внутренне сложнее, их родство в общей духовной атмосфере. Странное заглавие «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» настраивает на восприятие явлений, рожденных условиями, выпадающими из привычной нормы (ночь, бессонница). Шепоты и шорохи ночи воспринимаются как тайные знаки, имеющие неявный смысл («смысла я в тебе ищущу») или как сигналы неизвестного языка («темный твой язык учу»). Но мы слышим при этом голос внутренне свободного человека, бросающего вызов иррациональности. Образы и живые, и полуфантастичные («парки бабье лепетанье», «жизни мышья беготня») обступают героя внешне почти так же, как странный хоровод в «Бесах». Подвижные, зыбкие и отчетливо звучащие, они выражают драматизм внутреннего состояния: и тревогу, и неясное чувство вины перед собой, и смутные предчувствия неизвестного. Герой испытывает себя, он призывает эти странные ночные силы к общению, не зная сколько-нибудь определенно, что они такое — добро или зло. Столкнувшись с тайной, он, почти как сказочно-мифологический персонаж, искушает судьбу. Повторяем: здесь поэт свободен, и напряжение психологическое, и дерзость вызова только усиливают и углубляют представление о человеке, владеющем собой и своей свободой. Вопросы поэта обращены к высшей тайне существования. Душа его переживает смятение, но смятение в эти минуты поэтически

прекрасно, потому что в нем нет и следа ожесточения или растерянности.

Между тем в «Бесах» мы сталкиваемся с моментом иного смятения. И разница очень заметная: в «Бесах» герой определенно знает, с какими силами он имеет дело.

Символичны в «Бесах» и мотив дороги, и сбивающая с дороги метель, зимняя буря. И буря, и дорога в русской лирике всегда были активно значимы, и всегда, с большей или меньшей условностью, вызывали представление о бесконечности пространства и времени, о драматизме пути. Путь и дорога притягивают к себе время и пространство, их символика безгранична. В декабристскую эпоху мотивы пути-судьбы и мотивы бури были, скорее, аллегорическими и содержали иносказание о гражданском служении и политической буре. В таком ключе прочитывается, к примеру, пушкинский «Арион». Но «Бесы» создают другую символику.

В письмах и статьях Пушкина встречаем не однажды метафорическое слияние слов «бури судьбы». Для Пушкина это была характерная поэтическая фразеология его времени. Поэтому стихотворение «Бесы», с его тревогой, ночной метелью, ночной дорогой, может быть поставлено рядом со многими стихотворениями 30-х годов, с их мыслью о бурях и страстях, о драматизме жизненного пути («Дорожные жалобы», «Я возмужал среди печальных бурь...», «Туча», «Не дай мне бог сойти с ума...»). При некотором усилии обобщающей мысли и объединяющего взгляда на лирику 30-х годов, она вся может быть воспринята как стихи о пути и судьбе, как большое смысловое единство. «Бесы», таким образом, во многих отношениях характерное стихотворение начала 30-х годов. Характерное, но и единственное, особенное.

По наблюдению Н. В. Измайлова, в «Бесах» передано состояние человека, «одинокого и захваченного вихрем пустой и мертвящей жизни»⁹. Согласимся с мыслью об одиночестве героя. Но нам очень важно увидеть, что бесовский рой у Пушкина не имеет прямого отношения к жизни, даже самой «пустой и мертвящей». Бесы у Пушкина чужеродны поэту, чужеродны природе, красоте и ценности жизни, они иной мир, со своими странными событиями и невнятными «законами». Поэт

задает вопросы о бесовском действе, но ответа на них не ожидает, его разум отказывается проникать в область отталкивающе чуждую, в антимир. «Бесы» и «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», и тем более «Элегия», по внутреннему смыслу противоположны. В «Бесах» позиция поэта — понять отказываюсь, в «Стихах, сочиненных ночью...» и в «Элегии» — «понять хочу». В «Бесах» герой словно бы теряется от бес-силія перед злом, страх тормозит его сознание и чувство. Самообладания он не теряет, но отворачивается от увиденного. Заметим далее, что само его смятение может быть названо созидающим: лирическое развитие текста предсказывает, предчувствует более цельное духовное состояние. Поэт отвергает бесовское действо, которое для него равно несвободе. В «Бесах» герой оказывается у бездны на краю и до конца стихотворения на краю этой бездны остается:

...Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне ..

И все же слабая надежда на преодоление зла сохраняется. Как ни странно, она подсказана опять-таки ритмически. К концу стихотворения подчеркнуто простой и однообразный ритмический рисунок достигает кульминационного предела: поэтически герой уже готов освободиться от динамичного, механистичного бесовского кружения. В том, как поэту удалось замкнуть и завершить балладное действо, есть возможность увидеть зло уже со стороны, отделить себя, выйти из круга. Герой пушкинской лирики не может оставить нас без такой надежды: на нас при этом естественно и сильно действует обаяние авторской личности, и весь контекст его лирики.

Вопреки сложившимся и несколько стандартизованным рассуждениям о Протее русской поэзии, в философской критике XX века высказана мысль о трагизме пушкинского восприятия жизни. С. Л. Франк говорит следующее «...его исповедание личной жизни и судьбы никогда не есть простое субъективное признание (...), а всегда преображено мудростью, слито с познанием объективной закономерности жизни», «глубокий трагизм и пессимизм пушкинского жизнечувствия, пронизывающий всю его поэзию, не заражает среднего чита-

теля так непосредственно, как признания субъективных поэтов, и часто совсем не замечается»¹⁰.

Трагическое жизнечувствие предполагает некоторый духовный предел, за которым следует катарсис. Ничего общего с вульгарным оптимизмом такое состояние ума и души не имеет. В многослойном и многообразном духовном мире Пушкина, замечает далее С. Л. Франк, было «острое чувство трансцендентности, потусторонности». «Я дерзаю утверждать, — пишет он, — что у Пушкина есть нечто вроде философии трагизма человеческой жизни»¹¹.

Следуя выводам философа, в «Бесах» мы сталкиваемся с выражением трагического жизнеощущения, с выражением чувства трансцендентности и с пониманием «одинокства в мире глубин человеческого духа»¹².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Болдинская осень. Стихотворения, поэмы...//Сопроводительный текст В. И. Порудоминского и Н. Я. Эйдельмана. — М.: Молодая гвардия, 1974. — С. 27.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. — М.: Наука, 1962—1965. — Т. 3. — С. 176. Далее цитируется по этому изданию с указанием тома и страницы.

³ Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. — Л., 1974. — С. 99—102.

⁴ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830). — М., 1967. — С. 479.

⁵ Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»//Система пейзажных образов в поэзии. — М., 1990. — С. 177.

⁶ Аверинцев С. С. Символ//Краткая литературная энциклопедия в 9-ти томах. — М., 1962—1978. — Т. 6. — С. 826.

⁷ Там же, с. 828.

⁸ Болдинская осень..., с. 28.

⁹ Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов//Очерки творчества Пушкина. — Л., 1975. — С. 224.

¹⁰ Франк С. Л. О задачах познания Пушкина//Пушкин в русской философской критике. — М., 1990. — С. 442—443.

¹¹ Франк С. Л. Светлая печаль. — Там же. — С. 469.

¹² Там же. — С. 472.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ
Сборник статей

Псков 1994